

УДК 821.162.3

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

А. В. Грасько

**Записки «постороннего»:
Иржи Вайль о массовом просвещении и книжном буме
в советском обществе 1920–1930-х гг.**

Грасько Анна Васильева

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: anna-grasko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7805-9008

Цитирование

Грасько А. В. Записки «постороннего»: Иржи Вайль о массовом просвещении и книжном буме в советском обществе 1920–1930-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 320–341. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

Статья поступила в редакцию 20.08.2023.

Рецензирование завершено 01.09.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассматривается публицистическое наследие чешского писателя Иржи Вайля, посвященное культурной жизни СССР 1920-х – 1930-х гг. В частности, анализируются его очерки и репортажи, публиковавшиеся с 1923 по 1936 г. в различных чешских изданиях и посвященные культурно-просветительской политике, роли книг в советском обществе, эрудиции советских читателей, их литературным вкусам и приоритетам. Данный корпус текстов, не переведенных на русский язык, впервые вводится в российский научный оборот. При его анализе делается попытка выделить основные тематические блоки, значимые для чешского писателя, причем учитывается специфика адресата – чешской читательской аудитории, мало знающей об СССР, но обладающей неким уровнем сформированных (чаще всего западными СМИ) ожиданий. Делается вывод о непростой позиции Вайля, который, с одной стороны, будучи коммунистом

и корреспондентом левых изданий, находился под влиянием коммунистической идеологии, а с другой – пытался реализовать свой собственный, сугубо индивидуальный взгляд на вещи, во многом предвосхитивший изображение советской реальности в его художественной прозе второй половины 1930-х гг., в таких, например, романах, как «Москва – граница» (Moskva-hranice) и «Деревянная ложка» (Dřevěná lžice).

Ключевые слова

Чешская литература, Иржи Вайль, литературная ситуация в СССР 1920–1930-х гг., советский читатель.

Несмотря на относительную закрытость межвоенной Чехословакии по отношению к СССР до 1934 г., когда между двумя государствами были официально установлены дипломатические отношения, можно говорить о немалом интересе чешской общественности к стране коммунистического эксперимента на протяжении 1920–1930-х гг. Важную роль в распространении знаний об СССР, его экономической и культурной политике играли, как отмечается в первом томе фундаментального труда «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений»¹, такие организации, как «Общество культурного и экономического сближения с Новой Россией» (1925 г.), «Союз друзей СССР» (1930 г.). Самостоятельный информационный поток представляли собой путевые заметки, статьи и очерки об СССР чешских деятелей культуры (Ю. Фучик, В. Незвал, А. Гофмейстер, И. Ольбрахт, М. Майерова, В. Тилле, Я. Кратохвил и др.). В создании образа СССР активно участвовали также чешские левые периодические издания, среди которых были «Руде право» (Rudé právo)², «Пролеткульт» (Proletkult), «Право лиду» (Právo lidu), «Авангард» (Avangarda), «Руды вечерник» (Rudý večerník), «Рефлектор» (Reflektor), «Червен» («Červen»), «Творба» (Tvorba)³, частично «Кмен» (Kmen). Начиная со второй половины 1920-х гг. в Чехословакии появлялось

1 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М., 1973. С. 8.

2 «Руде право» – официальная газета чешской компартии, издавалась с 1920 г.

3 Коммунистическую ориентацию журнал обрел под редакцией Ю. Фучика, возглавлявшего его в период с 1928 по 1938 г.

немало переводов советской литературы, которая с 1925 г. стала регулярно поступать в страну. Переводами занимались такие издательства, как «Мелантрих» (Melantrich), издательство К. Борецкого (Nakladatelství Karla Boreckého), издательство Й. Фромека (J. Fromek), издательство Б. Янды (B. Janda, серия «Книги новой России» (Knihy Nového Ruska)), «Коммунистическое издательство» (Komunistické nakladatelství a knihkupectví).

На фоне этого активного интереса к советской культуре большой вклад в расширение знаний об СССР внес чешский писатель, переводчик, левый интеллектуал **Иржи Вайль (1900–1959)**, отразивший советскую реальность в своих репортажах, публицистических статьях и двух автобиографических романах⁴. С юности он оказался тесно связан с коммунистическими идеями, русской культурой, новообразованным советским государством. Откликаясь на общественные левые настроения, уже в университете он заинтересовался русским языком, литературой, в 1928 г. защитил диссертацию «Гоголь и английский роман XVIII в.». В 1920-е гг. он дважды посещал СССР в составе чешских делегаций (1922, 1923). На протяжении 1920-х – 1930-х гг. сотрудничал с различными левыми чешскими изданиями («Руде право», «Творба», «Коммунистическое ревью», «Право лиду»), непрерывно писал репортажи, заметки и очерки об СССР – культурной политике, литературе, советских писателях, которых ему довелось повстречать в Праге или в Москве⁵. Также в эти годы Вайль публикует свои художественные переводы⁶. В целом в это время в чешских левых кругах он считается

---

4 Об отражении советской реальности в первом из двух романов, «Москва – граница», см.: *Грасько А. В.* Советский мир 1930-х гг. в чешской литературе: Иржи Вайль и его роман «Москва – граница» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 168–182; Топос советской Москвы в романе И. Вайля «Москва – граница» // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатько. М., 2023. С. 359–385.

5 Будучи сотрудником советского полпредства в Праге с 1923 по 1931 г., Вайль, например, сопровождал Маяковского, посетившего Прагу в 1927 г. Также Вайль лично встречался с В. Шкловским, Л. Сейфулиной, И. Уткиным, А. Тарасовым-Родионовым и другими советскими писателями и деятелями культуры.

6 Отметим, что Вайль переводил таких писателей и поэтов, как Б. Пастернак, М. Цветаева, В. Маяковский, В. Луговской, М. Горький,

специалистом по советской культуре, об этом говорит, в частности, и то, что именно к нему в 1923 г. обращается чешское «Социалистическое общество»⁷ с просьбой прочесть цикл лекций о советской культурной ситуации эпохи революции и гражданской войны. Эти лекции были составлены Вайлем на основе большой подборки статей и официальных советских циркуляров, которые ему удалось обобщить и хронологически выстроить, выявляя основные этапы и доминирующие явления советской культурной жизни до 1923 г. На основе лекций вскоре вышла брошюра «Культурная работа советской России» (*Kulturní práce sovětského Ruska*)⁸. В 1934–1935 гг. Вайль был журналистом и переводчиком марксистской литературы в Коминтерне, жил в Москве, где в ходе «чистки» в 1935 г. был репрессирован. Однако уже в 1937 г. ему удалось вернуться в Чехию. Этот сложный и неоднозначный период жизни писатель отразил в двух уникальных художественных романах о Советском Союзе – «Москва – граница» (*Moskva-hranice*, 1937) и «Деревянная ложка» (*Dřevěná lžíce*, 1938, изд. 1992).

Таким образом, богатый личный опыт, приобщенность к русско-советскому миру, профессиональное филологическое образование,

---

М. Зоценко, В. Каверин, Ф. Сологуб, В. Брюсов, С. Кирсанов, Э. Багрицкий, А. Ремизов, переводил также В. Шкловского, Вс. Мейерхольда, Ю. Тынянова.

7 Возникло в Чехии в 1921 г. как левая ветвь распавшегося «Клуба реалистов» (*Realistický klub*), который, в свою очередь, был создан в 1919 г. из бывших членов Чешской прогрессивной партии (*Česká strana ročková*). В 1923 г. общество организовало цикл лекций о русской революции, в рамках которого был приглашен Вайль.

8 Брошюра была разделена на главы: 1. Период военного коммунизма. 2. Вмешательство Российской коммунистической партии. 3. Единый идеологический фронт против НЕПа. 4. Главполитпросвет или Пролеткульт. 5. Политпросвещение в Красной армии. 6. Печать. 7. Перспективы. Ярослав Чехачек в газете «Руде право» так охарактеризовал брошюру: «Товарищ Иржи Вайль представляется нам хорошим знатоком России в отношении духовной культуры. Довоенная Россия страдала от некультурности подавляющего большинства своего населения, поэтому – большая радость читать, как советское правительство всеми силами заботится о повышении культурного уровня своего населения. Брошюра Вайля развенчивает фразы о “некультурности” русских коммунистов, и каждый независимый наблюдатель должен убедиться на основании статистики, что Россия сделала для своего населения то, что не сделала никакая другая страна» [перевод наш. – А. Г.]. Цит. по: *Weil J. Komentář // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha, 2021. S. 766–767.*

прекрасное знание русского языка, большая энергия и работоспособность, живой интерес к русской и советской литературе, стремление самостоятельно осмыслить коммунистические преобразования – все эти личные качества и биографические обстоятельства сделали Вайля настоящим посредником между чешским и советским социокультурными пространствами и позволили создать целый корпус текстов, системно и глубоко анализирующих советскую культуру.

В данной статье речь пойдет о той части публицистического наследия Вайля, которая посвящена советской культурной жизни 1920-х – 1930-х гг., прежде всего – культурно-просветительской политике и роли книг в СССР. В своей культурно ориентированной, идеологически заряженной публицистике он проявляется как заинтересованный коммунист, корреспондент левой печати, освещающий мощные культурно-социальные явления и процессы, связанные с просвещением народных масс и литературной политикой СССР⁹. Описать и систематизировать публицистическое наследие Вайля представляется возможным благодаря начатой в Чехии публикации полного собрания сочинений писателя издательством «Триада» (Triáda). В нашей работе мы будем опираться на тома I (2021) и III (2022)¹⁰, которые охватывают публицистику с 1920 по 1937 г.

Приступая к вышеуказанной задаче, следует оговориться, что сегодня именно тексты этого периода, посвященные СССР, вызывают многочисленные вопросы. Читая их, неизбежно приходится задумываться о возможных искажениях реальности, вольно или невольно допущенных автором-коммунистом, задумываться, в частности, о степени влияния на него советской официальной идеологической риторики. Вполне возможно, что Вайль попал под влияние советской конъюнктуры и тоже в какой-то степени участвовал в создании «неомифологической картины мира»¹¹, что могло быть

---

9 За скобкой нашей работы остаются другие многочисленные публицистические тексты Вайля, где он проявляется как квалифицированный и очень тонкий критик, историк литературы, откликающийся на текущие литературные события и новинки советской литературы.

10 *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933; Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* Praha, 2022. II том собрания сочинений еще не издан, в нем предполагается опубликовать диссертацию Вайля «Гоголь и английский роман XVIII в.»

11 Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования: в 2 т. / под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской. М., 2014. С. 15.

обусловлено прежде всего тем, что он искренне стремился соответствовать ожиданиям чешских коммунистов, которые хотели видеть в СССР осуществленную утопию¹² и полагались на страну социализма как на генератор новых ценностей, противостоящих нарастающему в Европе фашизму. Не удивительно, что основная направленность статей Вайля связана с идеологической миссией – стремлением показать достижения советской власти в сфере культуры и просвещения, отразить метаморфозы, происходящие с советским народом, подчеркнуть выгодные отличия советской литературной ситуации от ситуации западной, развенчать западные стереотипы о советской стране как о стране варваров-коммунистов.

Однако позиция Вайля в целом более сложна и требует отдельного анализа. Читая его публицистические тексты, можно заметить, что автор старается избегать сухих данных статистики¹³, делится прежде всего собственным видением, личными впечатлениями, наблюдениями, его публицистические тексты явно несут в себе в большей степени эмоциональную, а не идеологическую оценку. Об этом говорят, к примеру, и частые пересказы сцен из реальной жизни, попытки передать услышанные диалоги, присутствие вольных авторских ассоциаций. Стиль публицистики Вайля также свидетельствует об искренности и лично окрашенном отношении автора к своему материалу: в ней можно обнаружить все стилистические приемы, которые перейдут потом в его художественную прозу с советской проблематикой (любовь к контрастам, символические аналогии, интонация доброй иронии, такие риторические фигуры, как повторы, градация, риторические вопросы).

Формирование позитивного образа СССР в текстах Вайля осуществляется без излишней восторженности, идеализации, преднамеренного искажения реальности. Стратегия Вайля другая – он скорее выбирает те культурные явления и процессы, которые не вызывают сомнений и однозначно свидетельствуют в пользу советского мира, его прогрессивности, жизнеспособности. Совершенно отчетливо позицию

---

12 Не случайно слово «утопия» присутствует в заглавии чешской антологии литературно-публицистических свидетельств об СССР, вышедшей в 2017 г., – «Путешествия в утопию. Советская Россия в свидетельствах чехословацких интеллектуалов межвоенного периода» (*Šimová K. Cesty do utopie – Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů. Praha, 2017*).

13 В отличие от, например, гораздо более идеологически заряженного Юлиуса Фучика.

Вайля можно понять, читая его отклики на литературно-публицистические свидетельства других его современников об СССР. Так, например, в рецензии на книгу путевых заметок об СССР чешского литературоведа и писателя В. Тилле «Москва в ноябре» (*Moskva v listopadu*)¹⁴ Вайль пишет: «Ее [книги. – А. Г.] ценность заключается в другом методе видения. Этот метод не желает сам о себе твердить, что он объективен. Тилле никому не навязывает свою точку зрения, никого не хочет убеждать в ошибках или достоинствах. И однако его книга является целостной большой оценкой. Мы в ней находим ответ на вопрос, который не могут прояснить ни самые дотошные публикации, ни путевые фельетоны. Это вопрос создания культурных ценностей, культурной жизни»¹⁵. Заканчивая рецензию, Вайль называет труд Тилле «книгой правильного видения». Таким образом, эти оценочные высказывания Вайля являются своеобразным ключом к его мировоззрению: объективность для него означает не столько статистическую точность и собирание сухих фактов, сколько умение понять и запечатлеть атмосферу, в которой происходит процесс формирования новых ценностей.

Для лучшего понимания точки зрения Вайля важно отметить и то, что уважительное отношение к советским достижениям сохранилось в его романах, написанных уже в Чехии, после пережитого опыта сталинских репрессий и ссылки в Среднюю Азию. По сути, сам писатель, как и его герой из романа «Москва – граница» Ян Фишер, которого подвергли «чистке» и который, однако, не стал противником советской идеологии, точно так же никогда не пытался переоценить негативно ту громадную культурную работу, которая осуществлялась в СССР. Любопытно, что и чешские критики, писавшие о романах Вайля, не раз отмечали его стремление к объективности в воспроизведении советской реальности¹⁶.

---

14 Речь идет об издании: *Tille V. Moskva v listopadu*. Praha, 1929.

15 *Weil J. Moskva očima Západu, Rozpravy Aventina* 5.12.1929 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 409. Здесь и далее все цитаты из репортажей и очерков Иржи Вайля даются в нашем переводе – А. Г.

16 Об объективном изображении советской действительности в романе «Москва – граница» писали, например, Франтишек Гётц (*František Götz*, см.: *Kosáková J., Kosák M. Ediční poznámka* // Weil J. *Moskva-hranice*. Praha, 2021. S. 396), Милан Юнгман (*Milan Jungmann*, см.: *Ibid.* S. 388–390). Некоторые критики даже рассматривали роман как документальное свидетельство – Вацлав Черны (*Václav Černý*, см.: *Ibid.* S. 396), Ладислав Новомнестский (*Ladislav Novoměstský*, см.: *Ibid.* S. 396) и др.

Лейтмотивом в публицистических очерках и репортажах Вайля об СССР становится **тема просвещения и чтения книг**. Он часто подчеркивает достижения советской власти в сфере просвещения, сталкивая контрастные явления, говорит о пути, который прошел народ из «неграмотной Российской империи»¹⁷. Так, в репортаже с характерным названием «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском союзе» автор с юмором, иронией и восхищением отмечает: «Люди, которые только несколько лет назад научились читать, глотают сейчас каждый обрывок бумаги. Когда-то был царь Петр, который насилием заставлял дворянских сынков читать книги. А сейчас читают даже в тех краях, куда от Петра бежали раскольники»¹⁸. Еще в одной статье, «Как и что люди читают в Советском Союзе», Вайль пишет, что «любовь к книге, к чтению – это часть огромного культурного процесса, огромного размаха страны, в которой раньше было рекордное количество неграмотных...»¹⁹. Добрую иронию у Вайля часто вызывают и наблюдения за тем, как причудливо порой вплетается просвещение в жизнь советских людей. Например, в репортаже «Культурная жизнь советской деревни» он отмечает, как бородастый колхозник цитирует Гёте в речи о посевной компании: «... план, бригады, разделение труда, полевые нормы, зарплата трактористам, и вдруг Гёте, цитата из Фауста, – “только тогда жизнь имеет ценность, когда человек каждый день за нее идет в бой”²⁰. Гёте, веймаровский министр, и бородастый колхозник, потомок крепостных...»²¹

Отмечает Вайль и то, как активно политика просвещения достигает отдаленных советских территорий в Средней Азии (Таджикская, Туркменская, Киргизская, Казахская республики), как меняется в связи с этим жизнь местного населения, которое постепенно преодолевает

---

17 *Weil J.* Jak a čtou lidé v Sovětském svazu, *Magazín DP*, leden 1935 // *Weil J.* Reportáže a stati 1933–1937. S. 43

18 *Weil J.* Moskevní barbaři o knihách a čtenářích v Sovětském svazu, *Rudý večerník*, 4.8.1928 // *Weil J.* Reportáže a stati 1920–1933. S. 84.

19 *Weil J.* Jak a co... S. 36.

20 Очевидно, Вайль передает неточно процитированный русский перевод Н. А. Холодковского (1858–1921): «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!». В оригинале этот же фрагмент выглядит так: «Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, Der täglich sie erobern muss».

21 *Weil J.* Kulturní život sovětské vesnice, Svět práce, březen 1936 // *Weil J.* Reportáže a stati 1933–1937. S. 153.

почти средневековую отсталость и включается в контекст советской жизни. Эта тема присутствует уже в ранней публицистике Вайля, например, в статье, освещающей выставку советских книг в Праге в 1924 г., он отдельно отмечает секцию «Книги на языках азиатских народов» и подчеркивает, что «выставка является образцом того, что русская революция сделала для азиатских народов в культурной сфере»²², ведь именно благодаря советским филологам были созданы литературные языки многих народов, входивших ранее в состав России, а теперь – СССР. Затем тема просвещения в Азии развивается в очерках 1930-х гг., написанных во время опыта полугодовой ссылки, когда сам Вайль побывал в Киргизии и Казахстане. В репортаже «Печать в Азии» писатель отмечает, что об Октябрьской революции в Средней Азии все еще узнавали по старинке, на местных базарах, читающих людей было очень мало, к тому же немногочисленные газеты, даже там, где они были, издавались по-русски, а изданий на родных языках и вовсе не существовало: «Культурная революция и рост печати, собственно, появились в Средней Азии только по окончании гражданской войны...»²³. Вайль констатирует, что «повышение грамотности имело огромное значение для развития печати. Сейчас в Средней Азии уже нет места, куда бы не распространилась печать. Даже те места, которые по 8 месяцев бывают отрезаны от мира – это места на Памире и Тянь-Шане, куда можно добраться только в течение двух летних месяцев, – регулярно получают самолетами журналы и книги»²⁴. В Киргизии в городе Фрунзе²⁵ на ярмарке колхозников Вайль стал очевидцем того, как люди сражались за книги Пушкина: «... за Пушкина был прямо бой. “Что дают?” (В Советском Союзе говорят не “что продают”, а “что дают”). “Пушкина дают”, – говорит одна тетка другой, и уже вместе толкаются в очереди. На это бы стоило посмотреть Александру Пушкину, придворному поэту его величества царя!»²⁶ В одном из очерков Вайль передает впечатления Виктора Шкловского от посещения озера Иссык-Куль: «Я был у озера Иссык-Куль, где люди еще ходят как робинзоны в выделанных

---

22 *Weil J. Poznámky k výstavě knih SSSR, Rudé právo 19.5.1925 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 148.*

23 *Weil J. Tisk ve Střední Asii, Haló noviny 25.12.1935 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. S. 127.*

24 *Ibid.*

25 До 1926 г. город носил название Пишпек, затем – переименован в Фрунзе, с 1991 г. – Бишкек.

26 *Weil J. Kulturní život... S. 153.*

овечьих шкурах. Раз в неделю туда невероятно трудными путями приходит почта и появляются в продаже книжные новинки. Тогда сбегается все население, рассеянное по берегам озера, и набрасывается на книги. За полчаса книжная палатка распродана»²⁷.

С восхищением, иногда с юмором описывает Вайль настоящий **книжный бум**, сопровождающий ликвидацию безграмотности, отмечает, что процесс чтения захватывает все советское общество. Все советские люди, по его наблюдениям, тянутся к знаниям и читают везде, в любых обстоятельствах: «Трудно встретить не читающего человека, здесь читают во всевозможных случаях и ситуациях»²⁸. Люди читают в поезде: «Я видел колхозниц в платках, которые всю дорогу в поезде по очереди читали и поочередно говорили о литературе – политграмоте»²⁹, и даже во время давки в трамвае: «В трамваях вы не увидите человека, у которого бы в руках не было газеты или книжки»³⁰. В нескольких репортажах мы встречаем такой повторяющийся эпизод: «Я видел девушку, которая висела в набитом трамвае: одной рукой она держалась за поручень, а в другой держала открытую книгу, на протяжении всей дороги переворачивая страницы языком»³¹. Организованные места для чтения, общественные библиотеки, как отмечает писатель, также переполнены: «Необходимо это осознать: в общественную библиотеку в Ленинграде помещается 400 человек. Но этого не хватает, читальный зал настолько забит, что люди сидят на полу и читают. [...] В Москве в общественной библиотеке то же самое»³². Отмечает Вайль и еще одну удивительную вещь – страсть советских людей к чтению «заражает» иностранных специалистов, приглашенных по контракту в СССР. Так, например, по словам библиотекарки, с которой Вайль вступает в диалог, активными читателями становятся его соотечественники: «чешские рабочие заразились русской болезнью, читательской горячкой»³³ – утверждает она. Этой любви к чтению способствуют и усилия советского государства, которое открыло

27 *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 82.

28 *Weil J. Knihy, Rudé právo 27.8.1933 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* S. 22.

29 *Ibid.*

30 *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 83.

31 *Weil J. Knihy...* S. 22. Тот же эпизод находим здесь: *Weil J. Jak a co...* S. 33–34.

32 *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 83.

33 *Weil J. Jak a co...* S. 41.

Библиотеку иностранной литературы и, как отмечает Вайль, «не жалеет валюты на закупку иностранных книг, чтобы обеспечить иностранным рабочим чтение»³⁴. Иностранные книги можно найти, кроме того, в магазине иностранной литературы на Тверской или в библиотеке Клуба иностранных рабочих, причем Вайль указывает, что в последней присутствует и небольшое отделение чешских книг.

Почти с восторгом Вайль говорит и о нехватке книг, которая происходит не от малого их количества, а вследствие огромного спроса: «Тысячи и миллионы печатных страниц ежедневно извергают типографии. Книг печатают все больше и больше, растут тиражи, но спрос по-прежнему больше, он опережает предложение»³⁵; «Миллионные тиражи являются обычной вещью»³⁶. В репортаже «Книги» Вайль с юмором пишет, что «поиск книг в Москве – детективное ремесло»³⁷, причем подчеркивает, что это касается «не букинистических изданий или каких-то особенных старых. Речь идет об обычных книгах, которые вышли год назад, месяц назад или неделю назад. Это книги, изданные огромными тиражами – 100 тысяч, 50 тысяч, 10 тысяч и т. д. Это не только беллетристические книги, но и специальные, или поэтические сборники, авторы которых даже не очень известны»³⁸.

Вайль рассказывает и о проблемах библиотек, которые не успевают за читателями. Пересказывает, к примеру, диалог с библиотекаршей завода «Каучук», которая жалуется, что книг катастрофически не хватает: «Если бы только мы могли получить больше экземпляров самых популярных книг. С Шолоховым, например, это прямо наказание; у нас двадцать экземпляров “Поднятой целины”, но этого все равно не хватает, читателю, который у нас просит эту книгу, мы ее можем пообещать только через два месяца, и читатель должен встать в очередь, в которой бог знает сколько людей. При этом книжный фонд нам не продает больше экземпляров, книжные магазины не имеют право продавать книги библиотекам, потому что иначе покупатели не смогли бы купить книгу, все разбирали бы библиотеки. А читатели потом сердятся...»³⁹.

34 *Weil J. Knihy...* S. 22.

35 *Weil J. Jak a co...* S. 42–43.

36 *Weil J. Nová ruská literární sezona: Literární noviny 20.11.1936 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* S. 607.

37 *Weil J. Knihy...* S. 21.

38 *Ibid.* S. 21–22.

39 *Weil J. Knihy v sovětských továrnách, Magazín DP, říjen 1936 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* S. 162.

При этом ситуация дефицита обретает вполне комические черты: читателям за неимением нужной книги предлагают другую, например, Фейхтвангера «Успех», но вскоре она тоже становится дефицитной. Затем возникает новая проблема – читатели готовы осваивать другие книги Фейхтвангера, которых, впрочем, в библиотеке пока нет⁴⁰.

Страсть советских читателей к книгам и уважение к ним Вайль подчеркивает и тем фактом, что в советском государстве широко распространена практика поощрения книгами: рабочим и ударникам на заводах в качестве особых премий дают бумагу, подтверждающую, что они могут покупать новые книги, а ударникам выделяют целые собрания сочинений.

В различных публикациях Вайля рассыпаны замечания **о вкусах советских читателей**. В репортаже «Книги» Вайль пишет: «Интересно, что читают: прежде всего политическую литературу, политэкономии, актуальные брошюры, речи Сталина, Молотова и т. д. Потом техническую литературу, беллетристику, общеобразовательную литературу»⁴¹. То, что советский человек в большом количестве читает сложную философскую и политическую литературу, производит на Вайля сильное впечатление, он стремится донести этот факт до чешских соотечественников, подтверждая его яркими примерами из личного опыта: «Действительно массовое распространение получила философская литература; чтение Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса и Сталина стало массовым феноменом среди рабочих по всему Советскому Союзу. Автор данной статьи дискутировал [...] о гегелевском понятии случайности и необходимости с десятником лесопромышленного предприятия при починке мотоцикла на берегу Волги в Куйбышеве; о формальной и диалектической логике в понимании Ленина с Сашей Леонтьевым на московском заводе текстильного оборудования...»⁴². Рассказывает Вайль для убедительности и о том, как лично просматривал отчеты библиотек о выдаче книг. Так, например, в одной из статей он отмечает, что, согласно списку выдачи в библиотеке завода «Каучук», самой популярной книгой является сложный труд Ф. Энгельса «Анти-Дюринг».

Также Вайль пытается проследить и общие тенденции, касающиеся предпочтений советских людей в художественной литературе.

---

40 Ibid.

41 *Weil J. Knihy...* S. 22.

42 *Weil J. John Dos Passos a sovětští čtenáři: Čin 9.4.1936 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. S. 578.*

Он отмечает, что советский читатель любит и ценит русских классиков (например, Пушкина, Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина), книги которых чаще всего берутся в библиотеках, а также издаются, раскупаются огромными тиражами. Из советской литературы читательской популярностью, по наблюдениям Вайля, пользуются М. Горький, Ф. Панферов, А. Толстой, В. Маяковский, Б. Пастернак, Ю. Олеша, но самым читаемым является М. Шолохов. Из зарубежной литературы советские граждане также читают классиков: Гёте, Шекспира, Сервантеса, Стендаля, Гюго, Бальзака, Мопассана, Ш. Бронте, Д. Лондона, а также современных авторов – А. Жида, Р. Роллана, Д. Дос Пассоса, П. Бак, Л. Фейхтвангера, О. Хаксли, Э. Хемингуэя, Л-Ф. Селина. Отдельная небольшая статья посвящена Верхарну, которого, по мнению Вайля, нигде столько не читают и так не понимают, как в СССР⁴³.

Интересно, что писатель не забывает отмечать и «чешские» предпочтения советских читателей. Отдельная заметка «О Швейке в России» посвящена судьбе знаменитой эпопеи Ярослава Гашека в СССР. Как пишет Вайль, «в Москве, Ленинграде, в Киеве лихорадочно читают Швейка»⁴⁴. При этом он отмечает, что в Ленинграде профессора научного института очень удивлялись, что в Чехии Швейк не считается полноценной художественной литературой. «Швейк вышел в России в 30 тысячах экземпляров (первая часть), сейчас готовится в издательстве “Московский рабочий” народное издание в журнале “Роман-газета” в 140 000 экземпляров»⁴⁵. Также Вайль, со слов А. Тарасова-Родионова, говорит о популярности переведенных романов И. Ольбрахта «Анна-пролетарка» и М. Майеровой «Прекраснейший из миров» и, напротив, о непопулярности Карела Чапека⁴⁶. С долей юмора Вайль подчеркивает и то, что советские читатели любопытны, интересуются всем и читают даже журнал для автомобилистов «За рулем», хотя машина – редкость для советского человека⁴⁷.

Часто Вайль старается выступить в защиту литературного выбора советских читателей. Он подчеркивает, что среднестатистический

43 *Weil J. Verhaeren v Rusku, Tribuna 13.3.1921 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 138–140.*

44 *Weil J. O Švejкови v Rusku: Rudý večerník 1.9.1928 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 87.*

45 *Ibid.*

46 *Weil J. Rozmlouva s Tarasovem-Rodionovem: Rozpravy Aventina 25.2.1932 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 119.*

47 *Weil J. Moskevští barbari... S. 83.*

советский читатель или образован, или тянется к образованию, воспитывает и развивает свой вкус на классике, которая в избытке издается советским государством: «...знание классиков русской и зарубежной литературы – это обычная вещь, точно так же, как и знание новой литературы. Например, в Оренбурге я обсуждал Шекспира с моряком балтийского флота, в Каракуле на границе с Китаем с пограничником – Хемингуэя [...]. Собственно, Андре Мальро и ряд других имеют похожий опыт»⁴⁸. Благодаря привычке читать классику советский читатель, по мнению Вайля, умеет отличать настоящую художественно ценную литературу от плохо написанной книги на актуальную тему, «умеет оценить новую тему, ведь сам живет в той же реальности и теми же интересами, что и писатель, но хочет, чтобы советский писатель умел писать»⁴⁹. Подтверждает это, по мнению Вайля, и быстрый спад интереса к культовому роману Гладкова «Цемент»⁵⁰. О хорошем вкусе советской аудитории свидетельствует, по его мнению, и то, что в СССР любят Пастернака: «Здесь [среди популярных авторов. – *А. Г.*] и Пастернак, мастер стиха, поэт, о котором можно было бы сказать, что он пишет только для узкого круга читателей, поэт сложной формы, сложных образов, творец особенного поэтического языка. Книги стихов Пастернака были разобраны в Москве за три дня. Идите-ка и попробуйте найти»⁵¹. Кроме того, советский читатель, по мнению Вайля, достаточно независим, его вкус не всегда удается направлять идеологическими оценками и высказываниями. Так, например, противоречивое отношение к Хэмингуэю советской официальной критики не мешает читателям любить его книги, ценить их стиль⁵². Продолжая эту мысль, Вайль отмечает и то, что рабочие самого большого автомобильного завода им. Сталина в Москве не приняли поэзию официозных поэтов А. Безыменского, М. Голодного, Д. Алтаузена: «Рабочие прямо заявили, что перед ними клише, что в стихах нет ни чувств, ни глубоких мыслей»⁵³. Вместе с тем рабочие отдали предпочтение поэтам Н. Асееву, С. Кирсанову, которые вместе с Б. Пастернаком подвергались нападкам со стороны пролетарских поэтов во время литературных дискуссий⁵⁴.

---

48 *Weil J.* John Dos Passos... S. 578.

49 *Weil J.* Nová ruská... S. 609.

50 *Weil J.* John Dos Passos... S. 582.

51 *Weil J.* Jak a co... S. 38.

52 *Weil J.* Nová ruská... S. 608–609.

53 *Ibid.* S. 609–610.

54 *Ibid.*

Стремится опровергнуть в своих публикациях Вайль и стереотип о закрытости советского человека по отношению к Западу, иностранной культуре, иностранным языкам: «Вы видите рабочего, который держит какую-то старую книгу. Вам интересно, обычно рабочие читают современную советскую литературу. Вы присматриваетесь, он читает в трамвае роман Шарлотты Бронте “Джейн Эйр”, написанный в XIX в. как горькое обвинение мещанскому классу. А сейчас эта книга в руках рабочего, который читает ее с большим интересом. Я забыл сказать, на каком языке. Ну что же, он читает на языке оригинала – по-английски. И это отнюдь не исключение – если вам доведется поехать утром, когда рабочие спешат на работу, в Пролетарский район, туда, где сосредоточено больше всего заводов и куда мало ездят руководители, вы увидите в руках рабочих, прежде всего молодых, кроме русских книг – книги на английском, немецком, французском»⁵⁵.

Конечно, можно сказать, что Вайль, несмотря на свое стремление к объективности, в какой-то мере идеализирует культурную политику государства и советских людей, пытается создать слишком сглаженную картину советской культурной жизни и слишком унифицированный образ советского читателя. Например, ссылаясь на статистику библиотек и содержание читательских анкет, он оптимистично заявляет, что читатели разных социальных слоев в СССР предпочитают одну и ту же литературу – колхозники читают то же, что и жители городов – рабочие, инженеры, научные работники⁵⁶. Ничего не говорит Вайль и о том, что за вкусом советских читателей, особенно к концу 1920-х гг., конечно, зорко следит советское государство, не позволяя ему идти вразрез с официальной идеологией и достаточно жестко его ограничивая. Возможно, чешский писатель несколько переоценивает советских читателей, рассказывая, как на встречах с лауреатом Гонкуровской премии Андре Мальро советские рабочие спрашивали его о творчестве А. Жида, Р. Роллана, Ж. Дюамеля, П. Валери, о кризисе формы в европейском романе⁵⁷. Однако и сегодня мы не можем утверждать, были эти читатели специально подготовлены или, действительно, проявляли свой широкий кругозор.

Кроме интереса к советскому читателю, Вайль проявляет интерес и к **общественным механизмам**, благодаря которым в СССР происходит массовое приобщение к книгам. Он подчеркивает, что книги

---

55 *Weil J. Jak a co...* S. 34.

56 *Ibid.* S. 37.

57 *Ibid.* S. 39.

окружают советского человека всюду и они всем доступны: «Летним вечером вы выходите на бульвар. Посреди бульвара стоит столик, у столика сидит девушка, перед ней навалена гора книг по самым разным специальностям, вы можете посмотреть, выбрать книгу, взять ее почитать, присесть на лавочку. Или вы сидите в очереди к зубному. Вместо всевозможных иллюстрированных журналов, которые вы найдете в Западной Европе, здесь аккуратно на полках располагается небольшая библиотека со всевозможной литературой – научной, беллетристической. Есть только одна особенность: большею частью это литература по гигиене. Это книги и брошюры о правильном уходе за зубами, но, если вы захотите, можете прочесть и роман. Точно так же вы найдете книги повсюду, где собираются люди, – в парикмахерских, на Обводном канале, на вокзалах, в поездах. Уже по дороге в Москву на пограничной станции Негорелое вы можете спросить проводника, и он вам охотно скажет, какие есть книги в вагонной библиотеке, и если захотите, даст любую из них почитать. И все это абсолютно бесплатно»⁵⁸.

Отдельно писатель отмечает, что в СССР функционирует широкая сеть библиотек, которые поддерживают интерес к книгам и чтению. Прежде всего это Ленинская библиотека, которая сравнивается Вайлем по количеству книг с Вашингтонской, Библиотека иностранной литературы, а также множество небольших библиотек при организациях, например на заводах: «В Советском Союзе вы не найдете ни одного завода, ни одного учреждения, где бы не было своей библиотеки. Некоторые библиотеки, как, например, на заводе АМО⁵⁹, огромные, самую же маленькую библиотеку я видел в обувном союзе в Алма-Ате в Казахстане. В этом союзе вместе с председателем всего 20 членов, но у них есть свой читальный зал и библиотека»⁶⁰.

Внутри самих библиотек, отмечает Вайль, работают особые механизмы привлечения внимания к книгам. Так, например, заводская советская библиотека организует «так называемую передвижку, передвижную библиотеку. Это беллетристическая и научно-популярная библиотека. Из основного фонда выбирается часть книг, о которых известно, что они больше всего нравятся читателям, и эти книги на какое-то время выставляются в отдельных цехах завода.

---

58 Ibid. S. 35.

59 Имеется в виду Московский автомобильный завод (АМО до 1925 г., затем до 1956 г. ЗИС имени Сталина).

60 *Weil J. Knihy v sovětských...* S. 161.

Библиотекаря их выдает сразу на месте, спрашивая отдельных рабочих, читали ли они ту или иную книгу, пересказывает им кратко содержание. Таким образом привлекаются новые кадры читателей. Люди, которым бы даже в голову не пришло зайти взять книгу в библиотеке, легко заинтересовываются чтением, когда видят книгу перед собой и могут ее свободно пролистать. А как только они научатся читать книги, им уже не будет хватать выбора передвижки, и они сами пойдут за книгой в библиотеку»⁶¹. Библиотека иностранной литературы, много работающая с иностранцами, целенаправленно «собирает адреса иностранных рабочих, чтобы обратить их внимание на свое существование»⁶², помогает организовывать читательские кружки, а также «организовывает везде, где работают иностранные специалисты, небольшие библиотеки на их родном языке»⁶³. «Достаточно только, чтобы рабочие какого-то завода, положим, на Краматорском заводе, написали, что хотели бы библиотеку, скажем, на чешском языке, чтобы их подписи заверил заводской комитет, и библиотека отправит бесплатно в постоянное пользование мобильную библиотечку»⁶⁴.

Освещает Вайль и еще один механизм литературного просвещения: рассказывает о культурно-просветительских встречах и лекциях, куда приглашаются писатели и специалисты для общения с широкой аудиторией. Он отмечает, что «подобных вечеров, посвященных творчеству отдельных писателей, на московских заводах проходит очень много»⁶⁵, и подробнее рассказывает о литературном вечере на металлургическом заводе «Серп и молот», который был посвящен роману М. Шолохова «Поднятая целина». Вайль отдельно останавливается на организации вечера, отмечает его продуманность: заводской журнал заранее подготовил к печати спецвыпуск, содержащий лучшие отзывы читателей, сам вечер вступительным словом открыл профессиональный литературный критик, после чего многочисленная аудитория имела возможность прослушать отдельные части романа в профессиональном артистическом исполнении, а затем – поучаствовать в дискуссии о романе: «О Шолохове говорили прокатчики, слесари, токари, работники печей, уборщицы и практиканты. Среди дискутирующих было также много женщин, которые, однако, очень энергично

---

61 *Weil J. Knihy...*

62 *Ibid.* S. 23.

63 *Ibid.* S. 22.

64 *Weil J. Jak a co...* S. 41.

65 *Weil J. Knihy v sovětských...* S. 164.

жаловались, что Шолохов не показал в своем романе новую женщину в советской деревне»⁶⁶. Вайль констатирует, что вечер имел большой успех, зал был переполнен, а число читателей Шолохова выросло от тысячи до четырех тысяч четырехсот человек⁶⁷. Также Вайль упоминает о вечере, посвященном Пушкину, прошедшем на Шарикоподшипниковом заводе, и отмечает, что подобные литературные встречи и лекции, посвященные русским и зарубежным классикам, устраиваются не только в Москве, но и по всему Советскому Союзу.

При этом Вайль обращает внимание и на аудиторию, подчеркивая, что она очень заинтересованная, активная: «Советский читатель является очень активным, и он может критически судить об авторе. Он также требует от специалиста, чтобы тот ему всесторонне объяснил творчество писателя, требует и разбор формы произведения. Так, к удивлению профессора Ефремина, рабочие шарикоподшипникового завода хотели, чтобы он им объяснил пушкинский стих и его структуру. Профессор Ефремин признался, что не ожидал такого вопроса, когда готовился выступать перед рабочей общественностью»⁶⁸. На Харьковском тракторном заводе после успешной встречи, посвященной творчеству Салтыкова-Щедрина, сами рабочие решают устроить также лекции о Шекспире, Шиллере, Чернышевском, Пушкине⁶⁹.

Интересно, что внимание Вайля к культурным просветительским процессам в СССР, к всеобщей книжной «пандемии» часто сочетается с **оценкой аналогичных процессов на Западе**. Например, в статье «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском Союзе» говорится: «Допустим, можно сказать, что везде читают: в Дании, в Швеции, в Чехословакии, во Франции и т.д. Но здесь все-таки особенное отношение к книге – страстное»⁷⁰. Разворачивая свою мысль, Вайль отмечает, что в СССР нет «сентиментальных романов о машинистках, в которых влюбляются шефы, романов о диких Билли из Аризоны и благородном Скотланд-Ярде»⁷¹, «ибо книга имеет совершенно другое значение, чем на Западе, чтение книг не является бегством от действительности, это оружие, это повышение квалификации»⁷².

---

66 Ibid.

67 Ibid. Речь идет о статистике выданных книг в заводской библиотеке.

68 Ibid.

69 *Weil J. Jak a co...* S. 39.

70 *Weil J. Knihy...* S. 22.

71 Ibid. S. 23.

72 Ibid.

Чтение, грамотность, уверен Вайль, открывает возможности социального «лифта» для советских людей, поэтому они сами тянутся к знаниям, это естественный процесс: «Молодой парень, почти неграмотный, который приезжает из деревни, становится рабочим. [...] Никто его не заставляет, не говорит, что он обязан читать. Он сам пускается в чтение и находит помогающую руку, которая посоветует. А если он что-то умеет и талантлив, если читает, ему везде открыта дорога, может стать инженером, ученым»⁷³.

Наблюдая за успехами советской культуры на фоне западного кризиса, Вайль рассуждает и об органическом вливании западной культуры в советскую. Вот что он пишет, например, в заметке «Советская литература и Запад»: «Присмотритесь к очень интересным явлениям: юбилей Гегеля был наиболее широко отмечен в Советском Союзе, и там же больше всего читают его работы. О Стендале в европейской печати выходили статьи в газетах, а в Советском Союзе – книги. Юбилей Спинозы был отмечен в Европе очень мало, а в Советском Союзе стал крупным культурным событием, по случаю которого вышло несколько книг, тысячи статей в прессе, проводились лекции. В то время, когда мещанская культура в Европе отказывается от ценнейшей части культурного наследия великой культуры XVIII и XIX вв., его приветствует Советский Союз с распростертыми объятиями, заботливо его изучает, развивает и старается на него опираться. Советский Союз становится не только центром самой развитой европейской техники, но также и центром европейской мысли. И это в корне меняет смысл советской культуры и ее мировое значение. Советская литература отдает себе отчет в этом новом статусе. Отсюда и это “оевропеивание”, новые темы в советской литературе, опора на европейскую культурную традицию»⁷⁴.

Характерно, что в своих репортажах Вайль борется не только с Западом и его стереотипами, но отчасти и с русской эмиграцией, настроенной негативно по отношению к СССР. Это подтверждает, в частности, репортаж о книжной выставке советской литературы в Праге в 1924 г., в котором подчеркивается разнообразие и качество советской книжной продукции по сравнению с немногочисленными эмигрантскими изданиями, представленными на аналогичной выставке, прошедшей месяцем ранее.

---

73 Ibid.

74 *Weil J. Sovětská literatura a Západ: Tvorba 1.6.1933 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 686–687.*

В целом, внимательно читая и анализируя посвященную советской культуре 1920-х – 1930-х гг. публицистику И. Вайля, можно сказать, что чешский писатель, конечно, пытался показать то лучшее, что смог увидеть в СССР. Как человек, умеющий и привыкший по-настоящему ценить культуру, как гуманитарий по образованию и складу натуры, Вайль, очевидно, именно в этом грандиозном «окультуривании» масс нашел главный аргумент в пользу нового социалистического общества: «Даже самый большой противник Советского Союза обязан признать, что нигде на свете нельзя встретиться с таким большим интересом к книге, литературе, как в бывшей малограмотной Российской империи, где скоро совсем не будет неграмотных и где люди стоят в очереди за романами Бальзака»⁷⁵; «Это великий, грандиозный поход, победный поход культуры к лучшей жизни»⁷⁶; «Книги, тысячи книг, миллионы, тонны. Одно из средств строительства социализма в отдельно взятой стране»⁷⁷. Конечно, сегодня можно по-разному относиться к методу отбора материала и сомневаться в степени прозорливости чешского автора, но не учитывать его наблюдений и выводов, касающихся культурного строительства в СССР, невозможно. Они разнообразны, убедительны, многочисленны, интересны для современного читателя как в Чехии, так и в России.

Источники и литература

Грасько А. В. Советский мир 1930-х гг. в чешской литературе: Иржи Вайль и его роман «Москва – граница» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 168–182;

Грасько А. В. Топос советской Москвы в романе И. Вайля «Москва – граница» // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатыко. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 359–385.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973. 552 с.

Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования: в 2 т. / под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской. М.: Академия, 2014. 478, [1] с.

⁷⁵ *Weil J.* Jak a co... S. 43.

⁷⁶ *Weil J.* Kulturní život... S. 153.

⁷⁷ *Weil J.* Knihy... S. 24.

Kosáková J., Kosák M. *Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice*. Praha: Triáda, 2021. S. 371–426.

Šimová K. *Cesty do utopie – Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů*. Praha: Prostor, 2017. 872 s.

Weil J. *Reportáže a stati 1920–1933*. Praha, 2021. 1008 s.

Weil J. *Reportáže a stati 1933–1937*. Praha, 2022. 970 s.

References

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii. Vol. 1. Noiabr' 1917 g. – avgust 1922 g. Moscow: Nauka, 1973, 552 p.

Grasko, A. V. «Sovetskii mir 1930-kh gg. v cheshskoi literature: Irzhi Vail' i ego roman “Moskva — granitsa”.» *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2022, vol. 24, no 3, pp. 168–182.

Grasko, A. V. «Topos sovetskoï Moskvy v romane I. Vailia “Moskva — granitsa”.» *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, ed. by N. N. Starikova, I. E. Adel'geim, A. V. Usachova, E. V. Shaŭko. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 359–385.

Kosáková, J., Kosák, M. «Ediční poznámka.» *Weil J. Moskva-hranice*. Praha: Triáda, 2021, pp. 371–426.

Russkaia literatura XX veka: 1930-e — seredina 1950-kh godov: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. obrazovaniia, in 2 vols., ed. by N. L. Leiderman, M. N. Lipovetskii i M. A. Litovskaia. Moscow: Akademiia, 2014. 478, [1] s.

Šimová, K. *Cesty do utopie – Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů*. Praha: Prostor, 2017, 872 p.

Weil, J. *Reportáže a stati 1920–1933*. Praha: Triáda, 2021, 1008 p.

Weil, J. *Reportáže a stati 1933–1937*. Praha: Triáda, 2022, 970 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

A. V. Grasko

Notes of an “outsider”: Jiří Weil on mass education and the book boom in Soviet society in the 1920s and 1930s.

Anna V. Grasko

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

PhD student

Lomonosov Moscow State University
119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation
E-mail: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Citation

Grasko A. V. Notes of an “outsider”: Jiří Weil on mass education and the book boom in Soviet society in the 1920s and 1930s. // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 320–341 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

Received: 20.08.2023.

Revised: 01.09.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the journalistic heritage of the Czech writer Jiří Weil, dedicated to the cultural life of the USSR in the 1920s – 1930s. In particular, his essays and reports published from 1923 to 1936 in various Czech publications and devoted to cultural and educational policy, the role of books in Soviet society, the erudition of Soviet readers, their literary tastes and priorities are analyzed. This corpus of texts is introduced into Russian scientific circulation for the first time. When analyzing them, an attempt is made to identify the main thematic blocks that are significant for the Czech writer, and the specifics of the addressee are also taken into account – the Czech readership, who knows little about the USSR, but has a certain level of expectations formed (most often by Western media). The conclusion is made about the difficult position of Weil, who, on the one hand, being a communist and a correspondent of left-wing publications, was under the influence of communist ideology, and on the other hand, he tried to realize his own, purely individual view of things, which in many respects anticipated the depiction of Soviet reality in his fictional prose of the second half of the 1930s, in such novels as “Moscow-border” (Moskva-hranice) and “Wooden Spoon” (Dřevěná lžice).

Keywords

Czech literature, Jiří Weil, literary situation in the USSR in the 1920s and 1930s, Soviet reader.